

*Посвящается моей сестре,
которая однажды попросила
написать роман про водителя.
Лиза, это тебе 😊*

Плейлист истории:

Lady Gaga – Perfect Illusion

Panic! At The Disco – Collar Full

MARINA – Forget

Autoheart – My Hallelujah

Zella Day – Hypnotic

Rachel Taylor – Porcelain

Lauren Daigle – Still Rolling Stones

Grace Carter – Heal Me

Unanium – I'm Yours

Lana Del Rey – Million Dollar Man

Ghost – Life Eternal

No name faces – Scars (Acoustic version)

ГЛАВА 1

— Жаль, конечно, что Алина сломала руку, — горечь в голосе руководительницы медианправления лагеря «Волна» тлела недолго.

Я даже не успела изобразить досаду за незнакомую мне пострадавшую, а новоиспеченная начальница уже улыбнулась:

— Но просто чудо, Яна, как скоро ты подросла на замену!

Мы познакомились всего пару минут назад, когда Надежда Викторовна встретила меня у лагерных ворот. Улыбчивая хохотушка, точно сошедшая с иллюстраций к русским сказкам: румяная, губы алые, сама — кровь с молоком. Неудивительно, что я едва поспевала семенить за ней по незнакомым лагерным тропам. Увесистый багаж путался под ногами, колесики дорожной сумки постоянно налетали на пятки. Мало того что я торопилась, так еще и почти не смотрела на дорогу.

Я не переставая вертела головой и старалась рассмотреть между кипарисами и пальмами заветную голубизну моря. Однако пока что на глаза попадались только одинаковые здания, вырастающие среди сочной зелени. Яркие, как карамельки, двухэтажные дома с террасами на крышах будто спали — вокруг ни души. На то, что домики не пустовали,

намекали лишь вещи и полотенца, сушившиеся на многочисленных балконах.

Удивительная тишина для самого огромного детского лагеря России!

— Как же нам повезло, что ты смогла приехать! — в очередной раз за наше недолгое знакомство с сияющим взглядом выдохнула Надежда Викторовна.

— А мне-то как повезло! — без тени сарказма тихо произнесла я и ухмыльнулась собственным мыслям.

Когда мою заявку на вакансию фотографа в детском лагере отклонили, готовилась поставить на лете крест. «Волна» была моим единственным шансом куда-то выбраться в эти каникулы! Ведь откуда у бедной студентки педагогического деньги на путешествия? Зато командировка — отличный шанс вырваться за пределы родной Сибири.

К тому же в «Волну» я мечтала попасть с детства, но всегда оказывалась в пролете: лагерь для одаренных ребят, а я к их числу, к сожалению, никогда не относилась.

Из года в год родители пытались выбить мне заветную путевку: мы вместе собирали ксерокопии скудной стопки моих грамот, просили рекомендательные письма от учителей, откладывали в копилку баллов даже крохотные достижения... Но всего этого было недостаточно, и ребенком мне так и не удалось исполнить мечту.

Когда в двадцать один год меня как потенциального сотрудника щелкнули отказным письмом по носу, почти не удивилась. Классика. «Волна» в очередной раз выбросила на берег недостойную меня. И плевать, что вымолила рекомендательное письмо у декана, к черту неплохую успеваемость, опыт работы с детьми и внушительное портфолио фотографа.

Взяли опять кого-то другого. И что самое обидное — место забрали прямо из-под носа. Как оказа-

лось, я была вторая в списке желаемых сотрудников. А все из-за того, что я не профессиональный фотограф, а простой любитель. Пусть и с большим опытом, набитой рукой и толпой благодарных клиентов.

Какое-то время я грустила и предавалась жалости к себе: смотрела в ТикТоке лагерные нарезки под грустную музыку, убивалась над чужими фотографиями с моря, то и дело порывалась плюнуть на все и на первом же автобусе умчаться к бабушке в деревню.

Однако в начале июля, когда я, позабыв об угрожающем отказе, радовалась закрытию сессии, мне позвонили с совершенно неожиданным предложением. Оказалось, в самом начале смены один из лагерных фотографов получил серьезную травму, и теперь необходима срочная замена.

Я никогда не считала себя злорадной, но чья-то сломанная рука принесла мне счастья больше, чем сданные на «хорошо» экзамены. Моментально отменила поездку в деревню, переквалифицировала свой чемодан под пляжный отдых, потратила почти все сбережения на авиабилеты и уже на следующий день из Сибири перекочевала в приморский городок.

И вот после многочасового перелета и долгой дороги до лагеря на автобусе — усталости никакой. Только огромное желание наконец-то впервые в жизни собственными глазами увидеть море!

— Сейчас по расписанию тихий час, — вновь обернулась Надежда Викторовна. — Мероприятия начнутся после полдника. У тебя как раз будет время разобрать сумки и немного отдохнуть.

Э нет! У меня будет время найти пляж! Но об этом новоиспеченной начальнице знать необязательно.

Пока я продолжала семенить за руководительницей, в глаза вдруг бросилась дорога, выглянувшая

из-за густой зелени. Шоссе шло прямо через лагерь, невдалеке от открытой площадки со скамейками вокруг фонтана.

— Прямо как в городе, — буркнула себе под нос, но моя спутница услышала это замечание.

Она проследила за моим взглядом. Губы Надежды Викторовны сложились в кривую усмешку, и она хмыкнула:

— А ты как думала? Территория «Волны» больше, чем многие русские деревни. Для удобства даже пришлось делить лагерь на несколько комплексов. До некоторых из них можно добраться только на автобусе.

Я знала, что «Волна» — крупнейший лагерь страны, но даже не представляла, что он настолько огромен! Выходит, это целый город на берегу моря!

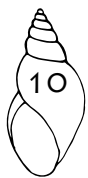
Надежда Викторовна увидела мои расширившиеся в удивлении глаза и по-своему оценила такую реакцию:

— Не бойся, — протянула, усмехнувшись. — Тебя отправили в комплекс «Чайки». Это почти самый центр. До столовой и главной арены будешь добираться пешком.

Пока я не понимала, радоваться этой новости или нет, но на всякий случай вежливо улыбнулась.

Еще минут пятнадцать Надежда Викторовна вела меня по путаным тропинкам лагеря, а я с восхищением и детским восторгом озиралась вокруг. Тут все такое красивое! Воздух напитан солнцем, зелень мягко шелестит под легким ветерком... А эти уютные здания отрядов? В лагерях, в которых довелось побывать мне, о таких домиках можно было только мечтать.

Мое сердце прыгало по ребрам от счастья! В жизни бы не подумала, что все-таки смогу здесь оказаться.

— Вот, это наш штаб, — Надежда Викторовна остановилась перед одним из зданий и дала мне несколько секунд осмотреться.

Этот дом несколько отличался от тех, что я видела по пути. Штаб был значительно меньше отрядов, но не уступал им красотой. Двухэтажное бежевое здание с высокими распахнутыми окнами и светлой крышей выглядело очень мило. В ярком свете солнца можно было помечтать, что штаб построен не из камня, а из песка. Настоящая пляжная сказка!

Надежда Викторовна улыбнулась, любуясь моим восторгом. Она дала мне время насладиться моментом, а затем направилась к веранде у входа:

— Жить будешь здесь, в штабе, — сказала она, придерживая для меня дверь. Я с багажом быстро протиснулась в холл и жадно огляделась.

Помещение встретило приятной прохладой и хорошим интерьером. Блаженство! Помимо новой мебели и явной дизайнерской работы, мое внимание привлекли плакаты на стенах. Яркие коллажи из фотографий с прошлых смен кричали цветными надписями: «Я верю! Мы встретимся вновь!»

Пока Надежда Викторовна искала в одном из шкафчиков ключи, я оставила сумки у кресла и приблизилась к стене, чтобы разглядеть плакаты. Они пестрели счастливыми фотографиями, где группы ребят обнимались, смеялись, играли, прыгали на волны или танцевали... Каждый снимок излучал атмосферу командного духа, и мне даже стало немного жаль, что в «Волну» приехала не ребенком, а сотрудником.

Иногда хочется ощущать себя частью чего-то большего. Думаю, лагерь — отличный шанс испытать это чувство.

— Твоя комната на первом этаже, в конце коридора и направо, — Надежда Викторовна подала мне

ключ и широко улыбнулась. — Располагайся и выходи ко мне. Поясни, что и как.

Я благодарно кивнула наставнице, вновь подхватила багаж и двинулась в указанном направлении. По пути мне встретилось несколько приоткрытых дверей, однако ничего особенного за ними не увидела.

В одной комнате оказался кабинет, где за компьютерами спинами к двери сидели два человека. Вроде оба парни. В другом помещении я обнаружила что-то вроде склада: аппаратура, штативы, на столах какие-то бумаги...

Не стала задерживаться в коридоре и, пройдя в указанном Надеждой Викторовной направлении, быстро нашла свою комнату. Она была достаточно просторной и светлой. Стол, кресло, широкая кровать, личный шкаф... Все из светлого дерева, а постельное белье и обивка кресла — однотонная зелень.

Да тут апартаменты куда лучше, чем в общежитии моего универа! А я-то ожидала, что, как в наших районных лагерях, поселят в какой-нибудь ветхой халупе. Думала, в комнате будет спать еще человек пять, и никакого личного пространства. Но, похоже, лето проведу не только на берегу моря, но и с комфортом. Отличный бонус к незабываемым каникулам!

* * *

Толком не разобрав вещи, я снова вынырнула в холл, чтобы поскорее услышать распоряжения Надежды Викторовны и с чистой совестью отправиться на поиски моря. Руководительница если и удивилась моему быстрому возвращению, то вслух ничего

не сказала. Разве что окинула меня от макушки до пят изучающим взглядом и на короткую секунду вздернула кончик темной брови.

Не теряя даром времени, руководительница пояснила, что моя главная задача — снимать мероприятия и отрядную жизнь. Снимки необходимо ежедневно передавать журналистам штаба, и на этом моя скромная, но важная миссия заканчивается. Дальше фотографии продолжают свой путь уже без меня. Текст репортажей, колонки новостей и размещение в Сети — дело других представителей медиацентра.

Меня сильно удивило, что «Волна» отказалась от привычных газет. В моем детстве новости лагерей печатались небольшими буклетами, которые раз в несколько дней разлетались по отрядам. Теперь же куда удобнее постить новости в соцсетях. И проще, и охват больше, и, как ни крути, уже привычнее.

На каждое слово Надежды Викторовны я бодро кивала, надеясь поскорее получить разрешение на отдых. Тем не менее информацию впитывала жадно и внимательно. Не хотелось в первые же дни своего пребывания в лагере зарекомендовать себя ветреной глупышкой.

Я чувствовала ответственность за полученную работу. Ведь как иначе я могла отплатить судьбе за выпавший шанс? К тому же где-то в глубине души брезжила надежда, что этот сезон может стать новой ступенью в моем профессиональном росте как фотографа. Постановочные сеты — это всегда хорошо и красиво, но здесь лайфстайл — совсем иной, новый для меня вид фотосъемки.

В заключение вводной беседы Надежда Викторовна показала карту лагеря. Едва увидев ее, я присвистнула от восхищения и сразу же щелкнула подробную схему на телефон. Да, такой путеводитель за пять минут точно не запомнишь!

Обратной стороной карандаша Надежда Викторовна ткнула в несколько мест, обозначив важнейшие точки: столовую, арену и штаб, где мне предстояло жить и работать. Для себя я дополнительно отметила голубую зону, которая выглядела так, будто кто-то откусил кусочек земли. Море.

Мысленно соединив на карте пляж и штаб, я не сдержала довольной улыбки. Не сказать, что пляж близко. Дальше, чем столовая или арена, но пешком минут за пятнадцать-двадцать дойти вполне реально.

— Есть вопросы? — поинтересовалась Надежда Викторовна, покрутив карандаш между пальцев.

Я уверенно качнула головой и нетерпеливо покосилась на часы. Без понятия, сколько еще будет идти тихий час, но очень хотелось в это время успеть сбежать к морю.

Обведенные розовым блеском губы Надежды Викторовны дрогнули в улыбке. Она принялась сворачивать разложенную на столе карту и перед тем, как отпустить меня, напомнила:

— Яна, не забудь, что мероприятие сегодня раньше обычного. Сразу после полдника. Через полтора часа нужно быть на арене!

— Помню! Буду! — Я подняла большие пальцы и начала пятиться в сторону коридора.

— Ладно. Беги, набирайся сил, — чувствуя мое нетерпение и уже не глядя в мою сторону, разрешила Надежда Викторовна, а я энергично закивала. Поблагодарила за ликбез и, сверкая пятками, рванула в комнату.

Я быстро переоделась в купальник, а сверху надела то, что первым из сумки попало под руку. Это оказались короткие джинсовые шорты и белая футболка оверсайз. Перед выходом метнула оценивающий взгляд в зеркало и, чуть выпятив нижнюю губу, удовлетворенно кивнула. Подмигнула сама себе, при-

хватила телефон и фотоаппарат и пробкой вылетела за дверь.

В приоткрытом кабинете все еще трудились незнакомые мне парни. Зато холл уже пустовал. Надежда Викторовна куда-то ушла, оставив дверь в штаб распахнутой, теперь в просторную комнату задул ветерок.

Мне показалось, что воздух пах морем. Хотя знать это наверняка не могла — в жизни не видела ничего, кроме родной Сибири.

Что ж. Самое время исправить это ужасное недоразумение!

Вдохновившись этими мыслями, ускорила шаг. На улице ярко светило южное солнце, напитывая теплом воздух и проникая в каждую клеточку тела. Лагерь по-прежнему пустовал, отдыхая в тишине, которую нарушали лишь стрекот насекомых и щебетание птиц.

По дороге никто не встретился, так что спросить направление было не у кого. Какое-то время я шла по памяти, удерживая в мыслях картинку недавно увиденной карты. Однако очень скоро поняла, что на развилках начинаю сомневаться и путаться.

Приложив ладонь козырьком к экрану телефона, я открыла нужную фотографию. Заодно напомнила себе про мероприятие и завела будильник. Примерно через час нужно вернуться в штаб, переодеться в выданную форму и вместе с остальными отправиться на арену.

Не теряя времени, уткнулась в электронный путеводитель и уже через четверть часа меж стройными кипарисами заметила бескрайнюю голубизну моря. Вода будто перетекала в горизонт, и от этого зрелища у меня захватило дух. На гребнях хрустальных волн бликами-бриллиантами сверкало солнце. Прозрачная вода омывала крупные цветные камни.

Она будто желала утащить их подальше от берега, спрятать в волшебную шкатулку на дне и больше ни с кем не делиться этой красотой.

Это просто... невероятно. Будто я нырнула в чужую фотографию. Казалось, что это понарошку, а совесть напоминала — времени на наслаждения не так много. Мне не терпелось ощутить прикосновение моря собственной кожей. Я не знала, каково это на самом деле, но в мечтах уже ощущала, как прохлада лижет ступни, голени, поднимается к коленям...

Однако путь к берегу мне преграждал достаточно высокий забор, и лезть через него не осмелилась. Сначала.

Какое-то время брела вдоль препятствия, но спуска к пляжу так и не нашла. В висках назойливо пульсировало — задерживаться нельзя! Совсем скоро мероприятие! И очень быстро я поддалась.

Загнанно оглянулась пару раз, проверяя, чтобы рядом не оказалось свидетелей, а затем схватилась за железные прутья и подтянулась. Перекинула одну ногу, вторую... И вот между мной и теплым морем преград больше нет!

Закипая от адреналина, я бегом спустилась по склону, что быстро сменился берегом, усыпанным крупными камнями. У кромки воды замедлила шаг и вслушалась в ласковый шелест волн, набегающих на берег. Меня переполнило умиротворение, я каждой клеточкой прониклась атмосферой этого места.

Присела на корточки и сделала несколько снимков, чувствуя, как в груди от восторга трепещут бабочки. Фотографии вышли великолепными: безлюдный берег в обрамлении каменных скал и бесконечное лазурное море, что на горизонте будто целуется с небом.

Получив заветные кадры, я разрешила себе окунуться в воду. Стянула футболку и шорты, уложила

сверху одежды фотоаппарат и телефон... и обмерла. Я забыла полотенце.

Так торопилась поскорее добраться до пляжа, что совсем не подумала о том, что с собой взять. Мозгов хватило только на камеру — и то спасибо.

Нервно глянув на дисплей телефона, я рассудила, что бежать обратно из-за полотенца глупо. Времени не хватит совершить новый марафон туда и обратно, не говоря уж о купании. А уходить с пляжа, так и не нырнув в теплую прозрачную воду, — выше моих сил.

Мысли заметались, досада уже горчила на языке, но я не позволила этим чувствам испортить чудесное настроение и счастливейший день. Отсекая пути к отступлению, рванула с места и с разбегу сиганула в воду.

Брызги полетели во все стороны, соленая вода коснулась губ, защипала глаза. Я наскакивала на волны, передвигаясь все дальше от берега, на носочках шагала по подводным камням, пока глубина не показалась достаточной. Тело до середины груди окутала прохлада, и я, чуть запрокинув голову, засмеялась от восторга. Раскинула руки, прикрыла веки и позволила морю меня покачать.

Никогда в жизни не испытывала ничего подобного. Пока меня убаюкивали хрустальные волны, глядела в безоблачное голубое небо и ни о чем не думала.

Я потеряла счет времени, но была абсолютно спокойна. На берегу меня ждал телефон. Если время начнет поджимать, обязательно услышу назойливый писк будильника.

Однако вместо привычной мелодии смартфона в чувство меня привела музыка, что загремела откуда-то издалека. До меня она доносилась затуманенным и размытым эхом, но и этого хватило, чтобы сложить дважды два.

Вода мигом показалась ледяной, а мышцы по всему телу будто свинцом налились. Сердце в груди испуганно екнуло, а я, пользуясь тем, что меня никто не может слышать, грязно выругалась.

Все спокойствие как рукой сняло. Движения стали резкими, быстрыми, но вода словно загустела, не желая меня выпускать. Скорость набрать не выходило, и я проклинала себя за то, что заплыла так далеко от берега, забылась и пропустила уведомление будильника.

Спустя бесконечные минуты мне все-таки удалось добраться до суши. Чувствовала себя при этом так, будто выжила после кораблекрушения: сплевывала соленую воду, кашляла и не могла отдышаться. В очередной раз обругала себя за забытое полотенце и скрепя сердце поверх черного мокрого бикини натянула шорты и белую футболку.

С содроганием взглянула на выключенный экран телефона, чтобы рассмотреть свое отражение, и поморщилась. Темные распущенные волосы мокрыми локонами облепили шею и сейчас походили на змей.

Я едва сдержала раздосадованный стон. Забрала непослушные, отяжелевшие от воды волосы в кривой пучок, прихватила с камней свои скромные пожитки и бегом ринулась обратно к штабу.

ГЛАВА 2

На обратном пути к штабу лагерь заметно ожил, хотя мне встречались только сотрудники, вразвалочку гуляющие меж кипарисов и пальм. На бегу я успела заметить у какой-то женщины булочку и бутылочку с соком. В животе впервые за весь день жалобно заурчало, а я с сожалением вспомнила о пропущенном полднике.

Чем ближе я подбиралась к штабу, тем быстрее бежала и тем громче играла музыка. До арены, где проходили мероприятия, я могла добраться куда скорее напрямик, без крюка через медицентр. Но разве можно явиться на первое рабочее задание в таком виде — мокрой до нитки мышью в просвечивающей футболке?!

Только вот промежуточная остановка, которой и был штаб, обрушил на мои плечи новую волну отчаяния. Двери оказались заперты, а окна — закрыты. Но даже если бы какая-то створка поддалась, то мне бы не удалось залезть внутрь. Слишком высоко расположенные подоконники не оставляли коротышке вроде меня ни шанса.

А ведь Надежда Викторовна говорила про ключи! Даже показала, где они висят. Только меня, похоже, до беспамьятства ослепили южное солнце и желание увидеть море.

Я заметалась в панике, не зная, что теперь делать. Хотя очевидно — выход только один. Бежать!

Не знаю, сколько бы еще топталась под закрытыми дверьми, если бы рядом по одной из лагерных дорог не проехал автобус. Я услышала шелест шин по асфальту и тут же вскинула на ярко-желтый транспорт заинтересованный взгляд. Через окна увидела целую толпу детей в одинаковой красно-белой форме.

Автобус я проводила удивленным взглядом и с капелькой зависти. Было бы просто отлично, подкинь кто меня до арены. Но водитель в мою сторону даже не посмотрел и свернул на ближайшем повороте.

Выбора нет — придется добираться на своих двоих. Причем если не хочу в первый же рабочий день схлопотать проблем, делать это нужно как можно быстрее. Мероприятие еще не началось, раз детей только везут к арене. Однако цифры, горящие с экрана смартфона, спокойствия не внушали. У меня не больше десяти минут.

Предчувствие близящегося выговора открыло во мне второе дыхание. Я крепче прижала фотоаппарат к груди и со всех ног рванула туда, откуда гремела музыка.

На пути мне пару раз встретились стенды с яркой картой «Волны», поэтому плутать не пришлось. К тому же чем ближе к центру я подходила, тем сложнее было ошибиться. А уж огромное кольцо высоких трибун не заметить мог разве что слепой, да и тот бы нашел дорогу, ориентируясь исключительно на звук.

Сквозь музыку доносились детские голоса, хором скандирующие кричалки. После каждой пары рифмованных строчек следовали дружные овации.

Я еще не видела, что происходит внутри арены, но уже чувствовала невероятный командный дух и общее возбуждение. Однако волнения это не убавило. Время поджимало, а я все еще не знала, где вход.

Сделав глубокий вдох, я осмотрелась. Решила идти вдоль дороги, что огибала трибуны, и уже через несколько минут обнаружила заветную арку. И как раз в этот момент музыка стихла, а из колонок разнесся бодрый голос ведущего:

— Привет, «Волна»!

Толпа завизжала и взорвалась аплодисментами. Я же ускорила шаг и пробралась на открытую площадку между трибунами. Включила камеру и решила не отходить далеко от первых рядов амфитеатра, уходящего далеко вверх.

Надеялась, это поможет не привлекать к себе лишнего внимания. Но, разумеется, в мою сторону то и дело стреляли косые взгляды сотрудников. Мало того что я без формы, так еще и вся насквозь мокрая. Футболка облепила тело так, что даже оверсайз не прятал очертания фигуры. Белая ткань больше не скрывала черный лифчик купальника, а наоборот — подчеркивала его.

От волнения у меня дрожали руки, а кровь в висках стучала громче голосов тысяч людей, собравшихся на арене. Чужое внимание ощущалось почти физически: кожу жгло, щеки горели, дыхание участилось.

В попытках спрятаться закрыла лицо массивным фотоаппаратом и постаралась сделать как можно больше хороших кадров. Снимать начала со сцены, что высилась за просторной площадкой. Поймала в объектив ведущего, зачем-то сфотографировала экраны, на которые в увеличенном виде дублировалось все происходящее.

Ребят поздравили с открытием смены и объявили номер комплекса «Кораллы». На площадку у сцены выбежала гурьба девчонок в воздушных розовых платьях. Заиграла пронзительная скрипка, и маленькие танцовщицы закружились под музыку. Они на-

поминали цветочные лепестки, сорванные легким ветром. Отточенные движения были изящны. Будто рожденные мелодией, они завораживали...

Я сфотографировала девочек и только тогда опомнилась. Комплексы! Надежда Викторовна что-то говорила о делении «Волны» на более мелкие территории. Мое место среди «Чаяк».

Коротко покосилась себе за спину, отметив, что в этом секторе форма детей исключительно желто-зеленая. Девочки в платьях, мальчики в шортах и футболках. У каждого ребенка по кепке.

Быстрым взглядом окинула всю арену, про себя отметив, что форма у детей единая, но с разным сочетанием цветов. И искренне сомневаюсь, что «Чаяк» нарядили в зеленый...

— Новенькая? — кто-то коснулся моего плеча, вырывая из раздумий и отвлекая от изучения трибун.

Светловолосая девушка в темно-синей футболке с надписью «Фотограф» смотрела на меня с нескрываемым удивлением. Ее глаза округлились, когда я обернулась, а брови поползли на лоб. От меня не скрылось, как взгляд сотрудницы опустился к моей просвечивающей под мокрой футболкой груди, а потом снова отскочил к лицу. Губы девушки сжались в узкую бледную линию, с головой выдавая ее неловкость и смущение.

— Новенькая, — кивнула я и тут же дополнила: — Из «Чаяк». Не подскажешь, где их найти?

— У них черно-белая форма, — блондинка махнула на центральный сектор.

Ах, ну да. Мне стоило догадаться о расцветке самой.

Я коротко поблагодарила смущенную спасительницу и спешно двинулась в сторону «своих», спиной ощущая чужие взгляды. Фотографии ме-

роприятия — это, конечно, здорово, но на работу меня взяли именно к «Чайкам». К тому же Надежда Викторовна дала понять, что снимать нужно именно свой комплекс.

Вдоль первых рядов я добралась до нужного сектора. Номер «Кораллов» как раз кончился. Арена разразилась аплодисментами, и я успела сфотографировать довольные улыбки ребятни в черно-белой форме.

В кадр попали только первые два-три ряда, зато снимки вышли отпадные. Искренние эмоции всегда делают фотографии живыми, особенными. Вот и сейчас мне удалось поймать момент и крупным планом запечатлеть восторг и ненаигранную детскую радость.

Мероприятие продолжалось. Ведущий объявил конкурс, и на площадку у сцены вышло по паре ребят от каждого комплекса. Мимо меня пробежали две «чайки», а я вместо того, чтобы устремить взор и объектив за ними, оглянулась через плечо на амфитеатр рядов.

Похоже, чем старше отряд, тем выше его размещают. Внизу расположили самых маленьких, а последние ряды явно заняли старшеклассники.

Было очевидно, что основной улов насмешек над внешним видом словлю от ядовитых подростков. Девушки будут морщить носики и закатывать густо накрашенные глаза, а парни... Ох, надеюсь, среди них достаточно юных джентльменов. Даже думать не хочу о сальных взглядах старшеклассников. А представлять, какие шуточки они при этом будут отпускать, и вовсе мерзко. О да... Мое шоу им придется по душе куда больше того, что разворачивалось на сцене.

Подниматься не спешила, надеясь все-таки хоть немного обсохнуть. Однако мокрый купальник по-

прежнему явственно просвечивал под футболкой, а на спину вдобавок капало с волос.

Я очень ярко прикинула, как выгляжу со стороны, и мне стало дурно. В лицо ударил новый жар стыда, в груди гулко заколотилось сердце. Да уж. Сомневаюсь, что эту выходку мне спустят с рук.

Здрavo рассудив, что рано или поздно все равно придется подняться, я неуверенно преодолела три ступени. Снова остановилась под предлогом фотографирования, спрятала горящее смущением лицо за камерой и ссутулилась. Постаралась прижать локти к груди, чтобы незаметно прикрыться, но получилось так себе — только снимки испортила.

— Где твоя форма? — через грохот музыки нового выступления до меня донесся незнакомый голос, прозвучавший прямо над ухом.

Это было настолько близко и неожиданно, что я тут же вытянулась в струнку и обернулась на говорящего. Только камеру опустить не успела и на собеседника в первые мгновения смотрела сквозь объектив.

Палец по привычке нажал кнопку. Щелчок. И вот у меня теперь есть снимок совершенно незнакомого парня с крайне недовольной миной.

— Фотограф, — то ли заключил, то ли спросил он, холодно уставившись на камеру, которую я спешно опустила.

— Уверен? — почему-то съязвила я, но тут же решила исправить положение улыбкой.

На мое натянутое дружелюбие парень ответил пронизывающим взглядом. Его ярко-зеленые глаза, прищуренные в явном недовольстве, быстро изучили меня, и незнакомец заключил:

— Не уверен. Наверное, потому что твое нижнее белье в глаз попало, — процедил он, уже стягивая с себя синюю бойцовку с множеством цветастых на-

шивок. Только тогда я догадалась, что «мило» беседу с вожатым.

От мысли, что этот колючий тип каждый день с утра до ночи проводит с ребятней, стало немного грустно. Меня передернуло, едва представила, что ощущают несчастные дети, ежедневно любуясь кислым лицом вожатого. А ведь им вместе с ним еще и номера для праздников ставить, готовиться к мероприятиям и вообще три недели как-то сосуществовать...

Руководил бы он старшим отрядом, уверена, у парня была бы толпа фанаток-школьниц. Светлорусые волосы на затылке и висках подстрижены чуть короче остальной длины. Фигура такая, что на календарь с пожарными его бы взяли вне конкуренции. И лицом вожатый неплохо вышел... Жаль только, что улыбаться этот репейник не умеет. Но так даже лучше — девочки-подростки любят хмурых мальчиков и частенько не прочь вместе с ними покататься на эмоциональных качелях.

— Прикройся, — парень бросил мне бойцовку так неожиданно, что едва успела ее поймать.

Вопросительно выгнула бровь, но вожатый на меня уже не смотрел. Я проводила его взглядом, наблюдая, как он возвращается к своему отряду младшеклассников.

Отвернувшись, я все-таки надела его бойцовку и застегнула под горло. На мне легкая куртка повисла мешком, спускаясь аж до середины бедра. Рукава тоже оказались не по размеру. Однако меня это не смутило.

Главное, что мой вид вызывающим теперь назвать точно нельзя. Идиотским? Может быть. Но какая уже разница? А из двух зол предпочту выбрать помощь грубияна и чужую одежду, нежели светить фигурой перед тысячами людей...

Перед тем как окончательно погрузиться в работу, я последний раз бросила взгляд на вожатого. Он, подбадривая свой отряд и широко улыбаясь, прыгал под музыку в проходе несколькими рядами выше. Ребята повторяли за парнем все танцевальные движения, а я пару секунд пребывала в полном ступоре.

Это точно один и тот же человек?

ГЛАВА 3

— Смольная Яна, это фиаско.

Надежда Викторовна поймала меня в холле медиацентра и неодобрительно скрестила руки на груди. Ее глаза нехорошо сверкали из-под низко опущенных бровей, а губы кривились от плохо сдерживаемого гнева.

В холле начала собираться толпа. Мероприятие закончилось, и в штаб фотографы всех комплексов вернулись почти одновременно. Я рассчитывала возвратиться одной из первых — подгоняла вечерняя прохлада, которая в сырой одежде ощущалась особенно гадко.

Но меня опередила Надежда Викторовна, которая явно ждала нашей встречи.

— Я в ужасе, — очень тихо вымолвила руководительница, и от ее дрогнувшего голоса по телу прокатилась волна стыда. — Перечислить твои грехи или сама все понимаешь?

Другие работники смотрели на мою казнь, даже не пытаясь скрыть интерес. Они перешептывались, и в шелесте новых голосов я отчетливо разобрала:

— Новенькая.

Я понуро уронила голову, стараясь ни на кого не смотреть. Выпрямила руки, чтобы рукава чужой бойцовки, которую в суматохе не успела вернуть хозяину, упали во всю длину и прикрыли сжавшиеся кулаки.

Да, мне стыдно. А еще очень страшно. Первый рабочий день, а я уже являюсь на мероприятие не просто без формы, а с видом дешевой стриптизерши в мокрой футболке!

Не удивлюсь, если меня выгонят по щелчку пальцев.

— Я уже получила выговор за тебя, — тяжело вздохнула Надежда Викторовна и бросила связку ключей на стол позади себя. Те с лязгом прокатились по дереву и упали на пол. Руководительница даже бровью не повела. Так и стояла, прожигая меня укоризненным взглядом, который я наконец осмелилась встретить.

В серых глазах плескалась обида, и от этого на душе кошки заскребли. На меня положились, доверились, а я при первой же возможности вытворила непростительные вещи. Но и извиняться я не спешила. В сложившейся ситуации и накаленной атмосфере оправдания послужат красной тряпкой для продолжения скандала.

Краем глаза я заметила бледные лица других фотографов, которые не торопились расходиться по комнатам и кабинетам. Они ждали развязки, наблюдая за выговором. Стало противно. Неужели так и будут молча любоваться?

— Ты ведь понимаешь, что нельзя перелезть через забор? Если он там стоит, значит, зачем-то это нужно, — вдруг пригвоздила Надежда Викторовна, а у меня язык к небу прилип.

Откуда она знает?!

— Там не было буйков, Яна, — продолжала сокрушаться Надежда Викторовна, пока я глупо хлопала ресницами. — А если бы с тобой что-то случилось? Простым выговором бы все не кончилось.

Надежда Викторовна шумно втянула носом воздух, прикрыла глаза. Она оперлась одной рукой

о стол, а второй нервно пригладила растрепанные волосы. Сейчас темное каре будто было зеркалом, отражавшим ураган, царящий на душе хозяйки.

Так вот за что ей сделали выговор! А я-то думала, меня за внешний вид отчитывают...

— Откуда вы знаете? — вместо пустых извинений уронила я и чуть прищурилась.

По группе фотографов пробежала волна сдавленных смешков. Даже Надежда Викторовна не сдержала улыбку и поделилась:

— По всему лагерю стоят камеры. Поэтому в следующий раз, будь добра, не пытайся перелезть через ограды или делать подкопы. Для купания есть специальный пляж и расписание. Все ясно?

Я с самым унылым видом кивнула и опустила голову. Камера, висевшая на широком ремешке на шее, почему-то показалась невероятно тяжелой, словно я тащила на себе камень, который тянул ко дну и меня, и мою репутацию.

Хотя очевидно, что выгонять меня не собираются. Пока что.

Однако Надежда Викторовна отпускать меня не спешила. Выговор не окончен. Давно я не ощущала себя куском мяса, который бросили изголодавшему псу... Собравшись с силами, я встретила холодный взгляд руководительницы.

— Ну а форма, Яна? — спросила Надежда Викторовна тем самым учительским тоном, который заставляет думать, что ты подвел весь мир. Я будто снова очутилась в школе, где так любили отчитывать за внешний вид.

— Я хотела переодеться, — вступилась сама за себя, устав смиренно молчать. Лучше сказать так, как есть, отстреляться по-быстрому и закончить радовать народ показательным позором. — Штаб был закрыт. Ключи забыла. Пришла на мероприятие как смогла.

В холле повисло тяжелое молчание, но я чувствовала, что поступила правильно. Боковым зрением заметила, как несколько человек растворились в коридоре, потеряв к происходящей перепалке интерес.

— Ну хоть пришла, не опоздала. Уже хорошо, — внезапно успокоившись, заключила Надежда Викторовна и устало сжала пальцами переносицу. — На первый раз ты прощена, но имей в виду, Яна, правила существуют не для того, чтобы их нарушали. А бойцовку лучше как можно скорее верни хозяину. Если, конечно, не хочешь, чтобы твой спаситель тоже получил выговор.

Ее слова меня удивили, но виду я не подала и переспрашивать не стала. Понятливо кивнула и направилась по коридору к своей комнате. Старалась не глазеть по сторонам и не сталкиваться ни с кем из коллег. Сейчас явно не лучшее время для налаживания контактов — всем нужно остыть. Мне особенно.

В груди кипело, кровь бурлила, и я сама не понимала, в чем причина смятения. В том, что меня прилюдно отругали как нашкодившую девчонку? Или потому, что меня смутили слова Надежды Викторовны о «спасителе»?

Сама того не замечая, чуть ссутулилась, шаг стал шире и тяжелее. Пусть тот парень сильно выручил меня, но осадок от встречи остался гадкий. Мы с ним даже не знакомы, а он уже позволил себе разговаривать со мной сквозь зубы.

От одного воспоминания о ледяном взгляде пронзительно-зеленых глаз по коже проползли липкие мурашки, и меня передернуло. Губы сжались в напряженную линию, лоб пересекла мрачная вертикальная складка.

— И куда ты так грозно топаешь?

Из кабинета, в который сегодня заглядывала через приоткрытую дверь, показался долговязый

широкоплечий парень. Напоровшись на мой колючий взгляд, он почему-то улыбнулся и привалился к косяку, заигрывая:

— Зайдешь? Познакомимся?

Его открытая улыбка заставила остановиться, однако смелость коллеги меня не подкупила. Легко быть героем один на один, но я видела этого парня в толпе зевак. Он был одним из тех, кто молчал в первых рядах.

— У меня дела, — отозвалась сухо и моментально потеряла к разговору интерес.

— Какие же? — крикнул он мне в спину, и подумал, что парень потешается надо мной.

Отчитываться не посчитала нужным. Дошла до конца коридора, отворила замок и с красноречивым хлопком закрыла за собой дверь в комнату.

* * *

Оставшись наедине с собой, я первым делом переделалась. Мокрые вещи повесила сушиться на изножье кровати, а бойцовку незнакомца просто оставила на видном месте. Завтра сразу после завтрака пойду фотографировать отряды и прихвачу чужую куртку с собой. Во время съемки все равно придется обойти все корпуса «Чаяк», вот заодно и найду хозяина. Это не составит труда — лицо того парня я хорошо запомнила.

Я покосилась на фотоаппарат, что лежал на столе, и нахмурилась. Мало того что хорошо запомнила, я его еще и сфотографировала.

Первым порывом было удалить случайный кадр. Не хотелось бы, чтобы кто-то увидел фотографию вожатого, когда буду сбрасывать в кабинете снимки на рабочий компьютер. Еще подумают, что запала

на него, и тогда чужую бойцовку мне будут припоминать до конца смены.

Глупая мысль, но на эмоциях решение стереть случайную фотку казалось самым правильным. Потому схватила камеру, рухнула с ней в кресло и принялась листать галерею в поисках злосчастливого изображения.

Едва нужный кадр появился на небольшом экране, меня тут же обдало холодком. Как бы ни хотелось отрицать, а снимок получился одним из лучших — эмоции, пусть и не самые теплые, сквозили в каждом пикселе. Вдобавок мой спаситель оказался крайне фотогеничным.

Я долго всматривалась в фотографию и не могла выбросить из головы мысль, что подобный снимок вполне бы мог появиться на обложке какого-нибудь модного журнала или стать неплохой рекламой мужского парфюма. Эстеты бы оценили красивые черты лица, ровный загар и яркие, сверкающие холодным зеленым пламенем глаза, которые вдыхали в снимок жизнь и заставляли вглядываться в него. Даже злой прыщур и выдающийся острый нос не казались недостатками. Наоборот, они придавали облику естественность и особое очарование.

Я резко мотнула головой, отгоняя странное навязчивое впечатление. Со мной такое бывает, особенно во время обработки — заглядываюсь на снимки, люблюсь ими и совсем забываю, что недостатки нужно ретушировать, а не восхищаться ими.

Веснушки, родинки, щербинки между зубов, морщинки от улыбки, родимые пятна, горбинки на носу...

Люди стремятся спрятать эти вещи, часто считая их своими минусами. Они стесняются себя и пытаются скрыться за косметикой, ретушью, операциями. Но никто даже не задумывается, что другой разрез глаз или цвет кожи не уродство, а изюмин-

ка. То, что выделяет из толпы, делает ни на кого непохожим.

С горечью я снова взглянула на горящий экранчик фотоаппарата и тяжело вздохнула. Не поднимет у меня рука удалить этот кадр.

Потому что он отличается от других. Потому что он дышит жизнью, бурлит эмоциями, пусть и не самыми светлыми. Потому что на этой картинке видно — красота идеальна только тогда, когда мы отказываемся считать нашу уникальность недостатком.

— Надеюсь, я не пожалею об этом, — сдаваясь, выдохнула я и, так и не удалив фотографию, отключила камеру.

* * *

— Все-таки пришла знакомиться? — В кабинете с рабочими компьютерами меня поджидал тот самый парень, с которым не так давно пересеклась в коридоре.

Он вальяжно сидел возле одного из столов, раскинувшись в кресле. Заметив меня, шатен расплылся в улыбке и игриво подмигнул.

Из противоположного угла комнаты, который не могла видеть из-за приоткрытой двери, донесся усталый вздох. Я наклонилась, чтобы увидеть источник недовольства, и обнаружила второго посетителя кабинета.

Днем мне казалось, что за компьютерами штаба работали два парня, но сейчас я отчетливо понимала — передо мной стоит девушка, и именно ее я видела днем. Коротко стриженная, черноволосая, в мешковатой одежде и с кольцами пирсинга в хряще уха, в носу и у кончика брови.

Она посмотрела на меня из-под густо накрашенных синей тушью ресниц и щелкнула языком, явно сдерживаясь, чтобы не закатить глаза:

— Так и будешь стоять на пороге? — басисто буркнула неформалка, и я все-таки шагнула вглубь кабинета.

— Я скинуть фотки с открытия, — сказала, проигнорировав и недружелюбное приветствие девушки, и неловкий флирт ее напарника. Села за один из компьютеров и подцепила к нему через кабель фотоаппарат.

Пока техника грузилась и готовилась к работе, я бессмысленно выводила курсором круги, чтобы хоть как-то отстраниться от тяжелой атмосферы, которая повисла в комнате. Разговаривать как-то не хотелось: неформалка не в духе, а парень слишком напорист. Но и молчать нельзя. В конце концов, мне с этими людьми придется тесно работать почти месяц.

— А говорила, что не придешь, — избавляя меня от необходимости первой заводить беседу, произнес парень.

— Просто даже новенькая не хочет с тобой разговаривать, пока ты ведешь себя как придурок, — хлестко перебила девушка, и я, не сдержавшись, хихикнула.

Она заметила мое одобрение и криво улыбнулась:

— Я Буч, — девушка приветственно подняла ладонь, затем снова скрестила руки на груди и оперлась плечом о стену.

Мои брови в удивлении дернулись к переносице, а с языка чуть было не сорвался глупый вопрос, который Буч бы точно разозлил. Дураку ясно, что это кличка, а не имя. Совершенно банальная, до ужаса клишированная кличка. Однако спрашивать об этом подробнее не стоит.

Хотя очень даже интересно, как к моей новой знакомой обращаются другие коллеги? Сомневаюсь, что они потакают ее детским выходкам и игнорируют наличие имени.

Буч всем видом демонстрировала нежелание продолжать разговор, и я ее понимала. Девушка не ищет дружбы, а всего лишь выстраивает необходимый для нормальной работы нейтралитет.

— Яна, — так же коротко и сухо представилась я и в ответ получила сдержанный кивок. Затем Буч уселась за один из столов и отвернулась к компьютеру, окончательно потеряв ко мне интерес.

— Яна, — почти нараспев повторил парень, вновь привлекая к себе внимание. — Прекрасное имя для прекрасной девушки!

Я растерянно захлопала ресницами, глядя на бесстыдную улыбку ловеласа. На помощь вновь пришла Буч:

— Костя, ты опять ведешь себя как кретин, — бросила она, обернувшись через плечо. — Продолжишь в том же духе, и она сбежит. И я, кстати, тоже.

— Ничего, я видел, где ее комната, — парень картинно запустил пальцы в темные короткие волосы, и уголки его губ поползли вверх.

— Ты безнадежен, — всплеснула руками Буч. — Прямо сейчас ведь роешь себе яму.

— Почему же? — вмешалась я и делано покачала головой. — Пусть приходит, раз хочет...

Костя мигом расплылся в самодовольной улыбке, а карие глаза заблестели от предвкушения. И я не испытала ни малейшего угрызения совести, когда следующей фразой стерла выражение победителя с его лица:

— ...зря я, что ли, на рукопашный бой ходила?

Костя беззвучно открыл рот, и я почти увидела, как перед его глазами рассеивается розовая дымка.

Он непонимающим взглядом пялился на меня, пока я довольно созерцала искреннее недоумение на вытянувшемся загорелом лице.

Зато Буч мой ход оценила сполна. Ее гулкий смех громом прокатился по кабинету. Девушка радовалась так, будто моя победа над самооценкой Кости была общим достоянием всего женского пола.

— Понял, Костян? Еще парочка твоих кривых комплиментов, и яму себе будешь рыть в прямом, а не в переносном смысле!

Парень заметно растерялся. Его взгляд метался между мной и Буч, и в потемневших глазах читался немой вопрос: «Серьезно?!»

— Ты и правда умеешь драться? — Костя не смог долго терпеть наш гогот и обратился ко мне, надеясь прекратить унижительную сцену.

Я услышала, как скрипнул стул, это к нам повернулась Буч, заинтересованная разговором. Все-таки не такая она непробиваемая, какой хотела бы казаться. Я же с серьезным видом посмотрела на Костю и произнесла:

— Четыре года занималась рукопашным боем.

Он уважительно хмыкнул и, выпятив нижнюю губу, кивнул. Интересно, как бы Костя отреагировал, если бы сказала правду до конца? Я действительно занималась рукопашкой, но было это не в специальной секции, как наверняка подумали мои новые знакомые, а в школе, на общих уроках физкультуры.

Ну, ничего. Меньше знают, крепче спят! А самое главное, что после этого небольшого блефа я тоже буду спать куда крепче. Теперь не придется содрогаться от каждого шороха за дверью. Костя намек понял.

Он, конечно, парень симпатичный и сам знает это, но очень уж самоуверенный. Не будет лишним немного сбить с него спесь.

— Скидывай все, что есть, — услышав, как я начала щелкать мышкой, наставительно произнесла Буч. — Папка на рабочем столе.

— Прямо все? — удивилась, пролистывая галерею фотоаппарата, которая только за этот вечер прибавила почти тысячу фотографий.

— Ага, не стесняйся, — подбодрил Костя, а сам стянул с ближайшего стола ноутбук и вперил в него взгляд. — Мы сами выберем, что лучше взять в ленту.

Изучающим взглядом я еще раз прошлась по Косте, который сидел почти прямо передо мной, осторожно покосилась на Буч. Эти ребята точно не фотографы хотя бы потому, что форма у них отличается от моей.

Присмотревшись, я заметила на груди Кости вышитую надпись «медиацентр». Чуть нахмурилась, задумавшись о работе, а затем в чувство меня привело звуковое уведомление — все фотографии перенесены на компьютер.

Уже отсоединила фотоаппарат, хотела попрощаться с ребятами и отправиться к себе, но вспомнила об изображении, которое не так давно порывалась удалить. Палец дернулся, прокручивая колесико мышки, и очень скоро я отыскала кадр, которым делиться с медиацентром не собиралась. Открыла картинку, дабы убедиться, что не удаляю ничего нужного, и с экрана на меня холодно уставился тот самый вожатый.

— Устроила Денису фотосессию? — хмыкнула из-за моей спины Буч, а я вздрогнула от неожиданности.

Как она так бесшумно подкралась? Буч что, училась навыкам скрытности у героев ромкома? Только они мастерски умеют не вовремя появиться там, где меньше всего ждут.

Я уставилась на неформалку широко раскрытыми глазами, глядя, как она наклоняется к монитору.

Внутри расцветал букет смущения, переплетенного с гневом. В лицо ударил жар.

— Я просто фотографировала всех подряд, — отозвалась сухо. Рука дернулась к мышке, но Буч меня опередила.

— Только не говори, что собиралась удалить эту фотку, — несколько грубо произнесла она, пролистывая другие снимки. — Я подумываю загрузить ее в ленту вместе с новостями лагеря.

— Да пожалуйста, — без особого энтузиазма отозвалась я и встала из-за стола. Не знаю почему, но такое положение дел меня огорчило. Во мне разыгралась странная ревность к кадру, которым ни с кем не хотела делиться.

Буч тут же заняла освободившееся место, и к ней подошел Костя. Они увлеченно пролистывали фотографии и обсуждали новую статью для лагерной ленты новостей. Убедившись, что моя миссия на сегодня выполнена, я поспешила удалиться.

Мы обменялись прощаниями, но уже на пороге кабинета я зачем-то обернулась. С монитора опять смотрели изумрудные осколки льда, а Буч и Костя о чем-то увлеченно шептались.

ГЛАВА 4

Следующее утро началось с небольшой планерки в холле, где Надежда Викторовна поясняла задачи медицентра на день. К моему счастью, вчерашняя показательная взбучка коллегами уже забылась, и в мою сторону никто не косился.

Костя и Буч даже нашли меня в толкучке и встали рядышком. Ребята сопровождали каждое заявление Надежды Викторовны перешептываниями, но я их не слушала, а погрузилась в раздумья.

В голове засела мысль, что нужно как можно скорее вернуть водителю его бойцовку. Надежда Викторовна упоминала, что за отсутствие формы парня ждет выговор, и мне не хотелось его подставлять. Пусть он, судя по всему, еще та заноза, но он мне помог, и я постараюсь отплатить той же монетой.

Да, я не знаю, где его найти, но у меня есть достаточно информации, чтобы сузить круг поисков. Во-первых, он точно из «Чаяк». Во-вторых, вчера на открытии я заметила, что парень ведет отряд малышей. Ну и, в-третьих, я знаю, как его зовут.

Денис. Кажется, так сказала Буч, когда увидела кислую мину водителя на мониторе.

В столовую я отправилась вместе с Костей и Буч сразу после того, как надела синюю форменную футболку и кепку и собрала небольшой рюкзак. Туда сложила камеру, телефон и кое-как запахнула бойцовку. Была идея накинуть ее сверху или повязать на пояс, но что-то подсказывало — задумка так себе.

Мне не хотелось лишний раз напоминать окружающим о моем коротком общении с вожатым и давать поводы для сплетен. К тому же при Буч, которая, как мне показалось, с Денисом знакома ближе остальных. Вспомнить хотя бы ее реакцию на фотографию, которую я так и не удалила ни с рабочего компьютера, ни с фотоаппарата.

Уверена, Буч без труда подсказала бы, в каком отряде найти Дениса, но расспросов потом не избежать.

— Ты врешь, — словно в подтверждение моим мыслям, засмеялся над новым слухом Костя. — Может, Катя что-то просто в душе забыла.

— Два раза? — ехидно уточнила девушка. Колечки пирсинга заблестели под солнцем, а в серых глазах Буч запрыгали бесята. — И именно тогда, когда я сидела в коридоре на окне?

— Ой, да прекратите! Ну, прошла она пару раз от душа до комнаты, и что? — хохотнула я. — Вас послушать, так в полотенце нельзя уже погулять!

— Очень даже можно, Янок. Только не забудь меня сначала предупредить, — криво улыбнулся Костя и нахально приобнял меня за талию. — С удовольствием составлю тебе компанию.

Я тут же привстала на цыпочки и в дружеском жесте перекинула руку ему через плечо, полностью

аннулировав дерзкий подкат. Всем весом повисла на парне и отшутилась:

— Да без вопросов! Можем и Буч с собой на пляж прихватить. Будем втроем после купания гулять.

Костя вымученно вздохнул, а Буч не растерялась и похлопала друга по плечу, которое заметно накрепилось под моим весом:

— На страже твоей девственности, Костян, — отсалютовала девушка, и мы с ней рассмеялись.

— Зря угораете. Все равно купание только по расписанию и с разрешения руководства, — с досадой выдохнул лагерный журналист, — и плевать, что мы персонал.

Его рука на моей талии ослабла, и Костя меня отпустил. Я тоже прекратила виснуть на нем и отошла в сторону.

После его слов мы втроем притихли и хмуро насупились. День обещал быть очень жарким: солнце, несмотря на раннее утро, уже припекало макушку. От летнего зноя спасал только ветерок, что лениво раскачивал зелень пальм.

Грустно в такую погоду сидеть в штабе, долбить по клавиатуре или заниматься обработкой фотографий. Но иначе никак, это Надежда Викторовна дала мне понять сполна: без разрешения на пляж ни шагу! И ослушаться не выйдет — всюду предательские камеры. Получать новый выговор меня совсем не манило, да и ребята моим опытом уже научены, так что к морю без команды свыше никто не пойдет.

Остаток пути добирались в молчании, слушая щебет пробудившихся птиц и песню ветра, гуляющего в кронах кипарисов. Чем ближе мы подходили к столовой, тем оживленней становился лагерь. Детей подвозили на автобусах, а тех, кто жил в ближайших отрядах, приводили строем.

Все стягивались к зданию, будто выстроенному из стекла. Ребяшня скандировала кричалки, дожидаясь своей очереди войти. Вожатые руководили процессом и подбадривали отряды.

Я цепким взглядом изучила площадь, внимательно осмотрев каждого вожатого, но Дениса среди наставников не нашла. Не смогла сдержать разочарованный вздох, но все же не отпустила надежду встретиться с парнем и поскорее вернуть должок. Поэтому, пока мы с Костей и Буч шли через площадь, а потом поднимались по лестнице, я не переставала крутить головой и озираться по сторонам.

— Дениса ищешь? — шепнула на ухо Буч, когда мы вошли в столовую. Мне показалось, ее голос сочился издевкой.

— Вообще-то, я ищу раковины. Надо руки помыть, — с наигранным безразличием пожала плечами я и огляделась. Мое лицо тут же вытянулось от удивления, а глаза заблестели в почти детском восторге.

Такая столовая моему университету может только сниться! Через огромные окна зал заливал солнечный свет, белые арки подпирали высокий потолок, а между их столпами стояли декоративные пальмы. Ряды столов тянулись через весь зал, в конце которого — раздаточная, а прямо над ней на экран транслировалось меню дня.

Буч хмыкнула, наверняка оценив мой щенячий восторг, а потом тихо добавила:

— Мойки. На улице. Ну, ага. Как же...

Я обернулась на нее и недовольно склонила голову набок. Мое возмущение Буч не заметила, потому что почти сразу отвернулась и ушла вслед за Костей к раковинам, которые были слева от входа.

Из груди вырвался шумный вздох. Я щелкнула языком и поплелась за ними.

Мы заняли столик в самом углу зала. За весь завтрак к нам больше никто не подсел. Буч и Костя, не умолкая, болтали обо всем подряд. Я же молча набивала рот тем, что набрала в раздаточной, казалось, что вот-вот лопну. Еще я старательно выглядывала среди сотен людей высокого светловолосого парня, но к концу завтрака найти его так и не сумела.

На выходе из столовой мы с ребятами разминулись. Буч и Костя отправились обратно в штаб печатать статьи, а я, сверившись с фотографией карты «Волны» и вооружившись камерой, пошла к комплексу «Чайки».

До самого обеда гуляла по отрядам, заходила в каждый корпус и фотографировала детей: как они рисуют, играют, готовят номера для вечернего мероприятия...

Каждый раз, поднимаясь по лестнице нового домика, я надеялась встретить Дениса. Мне уже начало надоедать быть его должницей. Парень прочно поселился в мыслях, и это раздражало. Скорее бы уже вернуть ему бойцовку, а вместе с ней сбросить ответственность за чужую шкуру и назойливые воспоминания.

Хочется отдохнуть, наслаждаться природой и летом, а не бегать за каким-то угрюмым чудачком!

Но, вопреки всем моим надеждам, ни в одном отряде Денис не нашелся. Даже в тех двух корпусах, где жили ребята помладше, меня с улыбкой встретили девушки-вожатые. Спросить у них про Дениса язык не повернулся. Уж не знаю, что меня остановило: боязнь ошибиться, страх стать героиней сплетен или же обыкновенное желание передать куртку из рук в руки? Нет, дело не в надежде снова увидеться и отхватить очередной пренебрежительный взгляд,

не в зависимости от чужого признания и одобрения, а в простой потребности знать — дело завершено, бойцовка у хозяина, я не оплошала.

Потому что если эта злосчастная куртка вовремя не доберется до своего водителя, то, уверена, он сам меня найдет. А о том, что будет дальше, даже думать не хочется...

Так что лучше лично убедиться, что дело закрыто, и наслаждаться летом без страха перед наказанием за промах.

ГЛАВА 5

Вопреки ожиданиям и коллективным мольбам, после обеда разрешение на купание медиацентр не получил. Зато ребятня из специализированного отряда спортсменов смогла с помощью тренера добиться ежедневного допуска на пляжные тренировки. Именно из-за того, что берег на время тихого часа оккупируют пловцы, персоналу после обеда и до полдника к морю хода нет.

Едва Надежда Викторовна объявила об этом, вся команда сникла.

— Я же говорил, — буркнул Костя и поплелся в кабинет. — Повезет, если хотя бы раз за смену в море искупаемся.

— Либо бери пример с Яны — плюй на правила и заборы, — Буч покачала головой, бросила пару ласковых о спортсменах и ушла вслед за Костей.

Я же направилась в свою комнату, чтобы там предаваться тоске. Но это если говорить поэтично. А если как есть — то я пошла с угрюмым видом валяться в постели. Раз уж не могла наградить себя купанием в море, то порадуюсь хотя бы недолгому безделью.

Упав на кровать, я подтянула к себе рюкзак и, не вставая, вытряхнула из него все вещи. Включила камеру и пролистала галерею до вчерашнего дня. Фотографии безлюдного пляжа радовали глаз и тер-

зали сердце. Как же все-таки уныло жить на берегу моря почти целый месяц и не иметь возможности окунуться в прохладную воду, покачаться на волнах, ощутить на губах соленую влагу...

И как же замечательно, что мне вчера хватило смелости нарушить правила! А то так бы и терзалась надеждой хотя бы раз почувствовать собственной кожей касание моря.

Устало вздохнув, я звездочкой раскинулась на кровати. Расфокусированный взгляд сверлил потолок, мысли плавилась от жары и усталости. Я несколько часов подряд провела на ногах: бегала от отряда к отряду, делала снимки и надеялась встретить Дениса.

Вымоталась жутко. А ведь после полдника опять гулять с «Чайками», а вечером — съемка мероприятия. И так до конца смены. Да, опыт и правда будет незабываемый.

Ноги ныли, мышцы налились свинцом. Тело страдало, но мысли вернулись к каменистому берегу, где вдаль горизонта небо сплетается с морем. Удивительно, но воспоминание сработало как гипноз. Мне тут же стало чуточку лучше. В груди разлилось приятное тепло, веки блаженно опустились, хотя сон никак не шел. Закрыв глаза, я видела бесконечную голубую гладь и волны, пеной разбивающиеся о цветные камни. В ушах шелестел прибой. А потом... Бам!

Я резко села на кровати. Еще несколько минут назад тело вяло от усталости, а сейчас вдруг напряглось и зазвенело от нетерпения. В голове яркой вспышкой пульсировала совершенно глупая, но слишком заманчивая идея, и выкинуть ее не получалось. Наверное, в прошлой жизни я была сиреной или русалкой. По-другому свою внезапную страсть к воде я объяснить никак не могла.

Поддавшись этому порыву, я встала с кровати и торопливо принялась стягивать с себя одежду. На пол полетели форменная футболка и шорты, пока я судорожно убеждала себя — запрет был только на купание, но гулять по пляжу и загорать мне вряд ли помешают. Так ведь?

Нервы гудели от странного волнения как электрические провода. Предвкушение отзывалось бабочками, что невесомыми крылышками щекотали легкие... Ну подумаешь, тренируются они на берегу! Один гуляющий рядом фотограф на продуктивность спортсменов никак не повлияет.

Едва эта мысль забралась в голову, я отложила поиски купальника. Села на кровать и задумалась: может, вовсе не море рождает в моей душе цунами? Я понимала, что опять, уже осознанно, собираюсь нарушить запрет, и это вызывало во мне целую бурю эмоций.

Я качнула головой, будто вытряхивая из нее дурные мысли. Нет, дело не в том, что мне нравится делать все наперекор. Просто море — это детская мечта, до которой я смогла дотянуться. В «Волне» я ощущала себя так, будто долгое время была замурована в бетонном ящике. Но сейчас он треснул, и сквозь разлом впервые повеяло свежим воздухом... Он пах солью и солнцем.

Так пахла мама, когда возвращалась домой после долгих рабочих поездок. Улыбка на ее загорелом лице ослепительно сияла, точно жемчужина на темном бархате. Мама привозила из экспедиций ракушки, которые пели волшебные мелодии моря, и рассказы о том, каким жарким может быть солнце. Но больше всего я любила сказки про дивный подводный мир, которые она сочиняла для меня. Про русалок, живущих в башнях из перламутра, таких высоких, что даже людям видны их крыши.

Правда, те часто маскируются под блики солнца на воде. Истории про строптивый подводный народ, который любит шутки ради устраивать штормы и заманивать людей в глубины, меня пугали до дрожи, но и их я обожала.

Наверное, тогда я и полюбила море, которое никогда даже не видела. Я так сильно хотела собственными глазами увидеть то, о чем столько слышала, что заставила маму пообещать — однажды мы отправимся в путешествие вместе.

Но вот я здесь, а она... А она всегда говорила: «Живи здесь и сейчас».

Сидя в одном белье, я оглядела комнату в поисках купальника. Ни к чему тратить время на грусть. Поплачу, попсихую, когда вернусь домой, а в «Волне» нужно использовать каждую минуту на полную катушку!

Ну, так где мой купальник? Помнится, я вешала его сушиться на изножье, но черное бикини на положенном месте не обнаружилось. Может, упало под кровать? Я опустилась на колени и сразу же заметила пропажу. Потянулась за купальником, уже предвкушая, как буду лежать на пляже и купаться в золотых лучах... Как вдруг в комнату постучали.

Это было так неожиданно, что с перепуга я стукнулась головой о кровать, под которую нырнула. Зашипела от боли, но этот звук утонул в новом громе ударов в дверь.

— Твою ж! — ругнулась я.

Незванный гость каким-то чудом услышал мое недовольство и с новой силой принялся тарабанить в дверь. Я же с ужасом вспомнила, что не заперлась, и в любой момент ручка может повернуться. А если на пороге окажется Костя... Он в жизни не поверит, что мой наряд — кружевное полупрозрачное белье — предназначался не для его глаз.

— Секунду! — в отчаянии выкрикнула я и чуть ли не кувыркком метнулась в сторону выпотрошенного рюкзака. Подхватила с пола чужую бойцовку, что спасала меня уже во второй раз, и быстро укуталась в нее.

Как раз в этот момент стук стих, а гость догадался подергать ручку. Та предательски поддалась, и в следующий миг дверь отворилась.

— Выйди немедленно! — в сердцах выпалила я и дрожщими руками запахнула бойцовку.

Парень на пороге спокойно окинул меня оценивающим взглядом и даже не подумал повиноваться. Денис бесцеремонно зашел в комнату и закрыл за спиной дверь.

— Сначала бойцовка, — без эмоций процедил он, вперив взгляд в свою куртку, что сейчас крайне выгодно скрывала мою наготу. Бойцовка опускалась до середины бедер, и вряд ли Денис догадался, что под ней стою в одном белье.

— Нет, — пискнула я и крепче запахнулась, чтобы случайно не сверкнуть оголенным телом. — Выйди.

Парень недоверчиво сощурил глаза. Его брови стянулись к переносице, и между ними пролегла мрачная вертикальная складка. Кажется, он чувствовал себя хищником, нагнавшим добычу, и отступить не собирался.

— Сворачивай уже свой фанатский клуб, — сказал он резко и сделал шаг мне навстречу. — Снимай и гони на родину.

— Чего?! — тут же отшатнулась от него и вспыхнула я.

После таких самоуверенных слов разом забыла, в каком положении нахожусь. Даже то, что стою почти голая перед едва знакомым парнем, отошло на второй план. Куда больше бесило раздутое самомнение наглеца!

— Я тебя второй раз в жизни вижу! — сказала, гордо вздернув подбородок. — Я не твоя фанатка!

— Ага, очень убедительно, — съехидничал мерзавец и изобразил в воздухе кавычки. — Я бы, может, и поверил. Но на тебе моя бойцовка.

Денис снова протянул руку и нетерпеливо поманил пальцем. Непроницаемая маска на его лице вдруг сменилась веселой улыбкой, а зеленые глаза хищно сверкнули.

Он прав, а я, без сомнений, со стороны выгляжу одержимой дурочкой. Не удивлюсь, если Денис уже во всех красках представил, как сплю в обнимку с его курткой, зарываюсь в нее лицом и жадно вдыхаю аромат хозяина, утопая во влажных мечтах...

Фу!

От таких фантазий передернуло, и я окончательно растерялась. Щеки горели, сердце гулко билось о ребра, отплясывая чечетку. Язык прилип к небу, а одеревеневшие пальцы отказывались ослабить хватку на ткани.

— Вот почему ты нашелся именно сейчас, в самый неподходящий момент? — Возмущение, которое больше не умещалось в душе, потекло наружу гневными словами. — Я искала тебя весь день! Таскалась с этой курткой как дура!

Парень сначала удивленно приподнял бровь, а потом расплылся в кривой усмешке:

— Ну да, конечно, — он медленно приближался, с каждым шагом сокращая дистанцию между нами.

Двигался Денис по-кошачьи осторожно и грациозно. И чем дольше я на него смотрела, тем шире становилась нахальная улыбка на его точеном и загорелом лице.

— Я ни от кого из вожатых не слышал, что ты меня искала, — протянул он, подойдя почти вплотную.

Я не позволила себе испуганно отступить. Лишь воинственно скрестила руки на груди и вскинула прожигающий взгляд. Теперь я отчетливо видела каждую мелкую черту, которую не мог запечатлеть на снимке фотоаппарат.

Яркие салатовые прожилки в темно-зеленых чистых глазах. Крохотная родинка на скуле. И несколько проколов пирсинга — над прямыми широкими бровями, в мочке и хряще уха.

Это открытие заставило меня недоуменно нахмуриться и опустить взгляд на одежду парня. Что в прошлую нашу встречу, что сегодня он был одет в белую рубашку с длинным рукавом. Слишком деловой стиль для вожатого в детском лагере. К тому же совсем не соответствует первому впечатлению о Денисе.

Откуда у него проколы для пирсинга и почему в них сейчас нет сережек или гвоздиков, могла понять. В конце концов, Денис работает с детьми и должен выглядеть (по меркам общества) прилично. Но не до такой же степени, чтобы неизменно следовать деловому дресс-коду!

— Снимай уже бойцовку, и я пойду, — нетерпеливо выдохнул Денис, когда мое задумчивое молчание затянулось. — Не будем мешать планам друг друга. Разминемся мирно.

— Выйди в коридор, — снова попыталась настоять я, стараясь, чтобы голос звучал как можно строже. — Вынесу твою шмотку через минуту.

Денис посмотрел на меня сверху непроницаемым и жестким взглядом. Его губы напряглись, кадык дрогнул.

— Скорее я тебя вынесу в окно, если прямо сейчас не вернешь то, что по праву мое, — голосом, которым можно реки морозить, припечатал парень. — Думаешь, мне нравится за тобой бегать?

Не сдержавшись, покрутила пальцем у виска и прошипела:

— Ваше величество ослепло от своей блистательности? Я впервые за день тебя вижу!

Аргументов у Дениса не было, а вся его речь сводилась к обычному давлению на неудавшуюся жертву. По его бегающему взгляду я поняла, что он осознает свою неправоту, где-то даже сомневается. В конце концов, я не прошу ни о чем сверхъестественном. Мне нужно лишь время, чтобы одеться. И именно этот факт решила использовать как козырь:

— Да не сбегу я, — выдавила, закатив глаза. — Не нужны мне ни твоя куртка, ни ты. Просто дай мне одеться.

На секунду мне показалось, что сейчас Денис кивнет и спокойно выйдет в коридор. Ухмылка сползла с его лица, губы расслабились... Но потом я увидела, как в зеленых глазах запрыгали чертята, и поняла — этот парень не сдастся. Не очень понятно только, делает он это из принципа или ради развлечения.

— Мне не нужно, чтобы ты одевалась, — прикинулся дураком он, а я вскипела. — Я прошу снять мою вещь.

— Как тебя в вожатые взяли?! — взорвалась, когда в изумрудных озерцах вспыхнула новая озорная искра. — Ты же хуже маленького ребенка!

Денис коротко и глухо рассмеялся, а я в очередной раз надеялась, что парень пошутит и уйдет. Но он покачал головой и сделал еще шаг в мою сторону:

— В вожатые взяли из студенческого отряда, — между делом бросил он. — Но об этом тебе расскажет кто-нибудь другой. Я сюда не болтать явился,

а только прошу вернуть то, что принадлежит мне. Снимай.

Он властно кивнул, будто давая разрешение действовать, и меня мелко затрясло. Что он о себе возомнил?!

— Не сниму, — уперлась я и тоже сделала шаг ему навстречу. Ну а что? Не только Денис может строить из себя альфу.

Наши прямые, наполненные вызовом взгляды встретились. Мы не отворачивались и продолжали упрямо сверлить друг друга глазами. Не знаю, сколько бы еще продолжалась игра в гляделки, если бы Денис не сжульничал.

— Тогда я сам сниму, — сказал он низко, почти утробно, и острые уголки его губ медленно поползли вверх.

Я тут же встрепенулась и отвела взгляд, отшатнувшись. Но Денис оказался очень ловким и достаточно сильным. Он легко поймал мои запястья и, несмотря на сопротивление, почти без усилий завел их над моей головой.

Вместо крика из груди вырвался рык. Я старалась высвободиться из стальной хватки, металась, как пташка в силках... И даже не подумала, что так делаю себе только хуже. Пока я пыталась вырваться, бойцовка чуть сползла, полы раскинулись, представив чужому взору мое почти оголенное тело. Я поняла, что совершила ошибку, когда Денис резко замер, а его взгляд опустился вниз.

Мы оба застыли: Денис от неожиданности, а я в смятении. И ведь сделать ничего не могла, а заведенные за голову руки как нельзя кстати способствовали лучшему обзору тела, прикрытого лишь крохотными лоскутками белья.

— Прости!

